

Андрей Моисеенков

*(не)выдуманые
истории про кофе,
кофейню
и ее гостей*

Андрей Моисеенков

(Не)выдуманнные истории про кофе, кофейню и ее гостей

<https://litres.ru/74192934>

SelfPub; 2026

Аннотация

«(Не) выдуманнные истории про кофе, кофейню и ее гостей» — пятьдесят корот-

ких рассказов от совладельца кофейни и консультанта. Каждая начинается с ма-

ленькой сцены - и раскрывается в наблюдение о бизнесе, людях и жизни.

Марк Аврелий и кассовые отчёты. Лао-цзы и сломанная кофемолка. Тишина пу-

стого зала, в которой слышно главное.

Для тех, кто устал от инструкций «к успеху за 12 шагов» и хочет не заработать

миллион, а не потеряться, пока зарабатывает в малом бизнесе.

Делай кофе. Думай. Повторяй.

Содержание

О книге	4
Предисловие	5
О кипятке и терпении	8
Первый гость	11
Почему лучший бариста — тот, кто не торопится	17
Ритуал, который ничего не значит — и значит всё	23
Утренняя тишина как стратегическое преимущество	29
Что общего между буддийской притчей и клиентской жалобой	35
Постоянный гость, который однажды не пришёл	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Моисеенков (Не)выдуманнные истории про кофе, кофейню и ее гостей

О книге

«(Не) выдуманнные истории про кофе, кофейню и ее гостей» — пятьдесят коротких рассказов от совладельца кофейни и консультанта. Каждая начинается с маленькой сцены — и раскрывается в наблюдение о бизнесе, людях и жизни.

Марк Аврелий и кассовые отчёты. Лао-цзы и сломанная кофемолка. Тишина пустого зала, в которой слышно главное.

Для тех, кто устал от инструкций «к успеху за 12 шагов» и хочет не заработать миллион, а не потеряться, пока зарабатывает.

Делай кофе. Думай. Повторяй.

12+

Предисловие

Друзья, вы держите книгу, к которой у меня самого очень особое отношение. Как и те, что я написал чуть раньше, — она появилась из небольших заметок. А заметки — из наблюдений. Побед и поражений. За каждой главой — прожитые эмоции: радости и разочарования. А потому и сама книга получилась местами вдохновляющей, а иногда — с нотками меланхолии.

Заранее прошу прощения за определённую хаотичность тем. Каждая из глав чаще всего появлялась на свет в виде «утренних страниц» — чего-то вроде личного дневника, — и лишь спустя некоторое время я позволил себе их литературную обработку, за которую хотел бы поблагодарить своих детей Элину и Германа за вдохновение, Мухину Елену, Дарио и Даниэлу Амодеи :) за корректуру, а также всех причастных гостей нашей кофейни, которые невольно стали героями рассказов.

В основе — подсмотренные и подслушанные истории, собранные отовсюду: в стенах нашей кофейни, сложенные по крупицам из рассказов друзей-предпринимателей, владельцев ресторанов и кафе — и пересказанные от первого лица. За каждой историей — отдельные судьбы людей. Некоторые из них вовсе не происходили в реальности — по крайней мере, в нашей кофейне, — но я уверен, что непременно могли

бы произойти или ещё случатся.

Почти в каждой главе есть отсылки к философии Востока или стоицизма — и о том, как она помогает мне в реальной жизни. Почему я про них пишу? Они мне нравятся. Вековая мудрость, которой посчастливилось добраться до наших времён.

Каждая глава — это десять минут неторопливого чтения для наших гостей. Десять минут тепла — не только в чашке кофе или чая, но и где-то внутри.

Книгу можно читать подряд — от первой главы к пятидесятой, от утра к ночи, от первого кофе к последнему. А можно — вразброс, по одной главе в день, за утренней чашкой, в любом порядке, с любого места. Она для этого и написана: для рваного чтения, для коротких пауз, для тех десяти минут тишины, которые иногда — важнее пяти часов работы.

Здесь есть Марк Аврелий и кривая розетка. Буддийские притчи и клиентские жалобы. Лао-цзы и кассовые отчёты. Японское каратэ и подмосковный бариста. Всё это — не эклектика ради эклектики, а — жизнь, которая не делится на «высокое» и «низкое», на «философию» и «прилавок», на «думать» и «делать». Жизнь, в которой всё — одно. И кофе — тоже часть этого «одного».

Я — не философ. Я — человек, у которого есть кофейня и который иногда думает о том, что делает. Иногда — записывает. Вот — записал.

Приятного чтения. И хорошего кофе.

О кипятке и терпении

Есть одна вещь, которую я усвоил не из книг.

Когда я только начинал разбираться в кофе и одним из самых любимых способов заваривания этого прекрасного напитка был френч-пресс, я делал то, что делают все новички: заливал зерно крутым кипятком. Сто градусов. Максимум. Мне это казалось логичным — чем горячее, тем быстрее, крепче, лучше. Так устроена голова человека, который торопится: если можно сильнее — значит, нужно сильнее.

Кофе получался горьким. Не благородно-горьким, а по-настоящему — резким, плоским, с привкусом жжёной резины. Я грешил на зерно, на помол, на кофемолку, на фазу луны. На всё, кроме очевидного.

А потом один знакомый бариста сказал мне между делом: «Дай воде остыть. Девяносто три — девяносто пять, не больше. Кипяток убивает вкус.»

Я попробовал. И это оказался другой кофе: из того же зерна, в той же чашке. Но уже другой. Мягкий, с кислинкой, которой я раньше не слышал. С послевкусием, которое не хотелось смывать водой.

Разница между хорошим и плохим кофе оказалась — в семи градусах и несколькими десятками секунд ожидания.

Я вспоминаю эту историю каждый раз, когда хочу принять решение прямо сейчас.

Позвонить партнёру в разгар конфликта — пока внутри кипит. Ответить на письмо, которое задело, — не перечитывая, сразу. Подписать контракт в день, когда загорелся идея. Уволить человека в тот момент, когда он разозлился. Или (что, на мой взгляд, страшнее всего) отругать ребенка.

Всё это — кипяток на зерно. Сто градусов. Максимальная температура. Быстро и горько.

Я не говорю, что нужно тянуть. Нерешительность — это страх в красивой обёртке. Но между «тянуть» и «подождать тридцать секунд» — огромная разница. Первое — слабость. Второе — мастерство.

Стоики называли это «промежутком». Между событием и реакцией есть зазор. Крошечный, почти невидимый. Большинство людей его проскакивают, не заметив. Но именно в этом зазоре живёт всё, что отличает мудрого человека от просто быстрого.

Марк Аврелий — римский император, у которого точно не было проблем с нехваткой поводов злиться, — записал однажды: прежде чем действовать, спроси себя, будет ли это важно через десять лет. Большинство вещей, от которых мы кипим, не продержатся и до вечера.

С тех пор у меня появилась привычка. Когда я чувствую, что внутри поднимается температура — в переговорах, в переписке, в разговоре с близкими, — я представляю себе чайник. Не метафорический — настоящий, который только что щёлкнул. Вода в нём бурлит. И я просто жду. Не делаю ни-

чего. Тридцать секунд. Минуту. Иногда — до утра.

Я даю себе остыть до девяноста трёх.

И знаете, что самое странное? Решение, которое приходит после паузы, почти всегда лучше. Я не стал умнее за эти тридцать секунд. Просто я перестал быть кипятком — и стал водой нужной температуры.

Кофе учит простой вещи: сила — это не всегда «на максимум». Иногда сила — это семь градусов вниз и полминуты тишины. Именно там, в этом негероическом зазоре между импульсом и поступком, рождается всё лучшее, что мы способны сделать.

Первый гость

Наверное, в каждой кофейне есть такой человек. Тот, кто приходит раньше всех, до открытия. Когда свет внутри ещё холодный, стулья стоят на столах вверх ногами, а бариста только начинает прогревать машину. Дверь ещё закрыта, а ты уже здесь — стоишь у входа, иногда смотришь в телефон, иногда просто смотришь на улицу. Не стучишь, не топишь, не заглядываешь в окно с выражением «ну когда же». Просто ждёшь.

Задолго до того, как я стал совладельцем своего кофейного уголка, таким гостей в одной из городских кофеен был я. Приходил в 6:47. Каждый день. Она открывалась в семь, а я уже стоял у двери — зимой в пальто с поднятым воротником, весной в лёгкой куртке, с одним и тем же рюкзаком в любое время года. Думаю, многие из сотрудников даже не знали, как меня зовут. Уверен, у них было для меня какое-нибудь внутреннее прозвище. Что-нибудь вроде «семь без тринадцати».

Я всегда заказывал одно и то же — двойной американо, без сахара, без молока, без ничего. Садился у окна, делал первый глоток с закрытыми глазами — да, именно так, с закрытыми, — и раскрывал книгу. Не телефон, не планшет, не рабочие документы. Обычную бумажную книгу, с загну-

тым корешком, с закладкой внутри, иногда уже чуть потрёпанную от постоянного ношения в рюкзаке.

Я сидел минут сорок. Иногда чуть больше. Потом аккуратно закрывал книгу, оставлял ровно столько чаевых, сколько стоил мой кофе, кивал на прощание и уходил. Ни разу за всё это время я не попросил Wi-Fi.

Наверное, со стороны это выглядело немного странно. Один и тот же человек, в одно и то же время, с одним и тем же заказом, с одной и той же привычкой исчезать ровно через сорок минут. Но для меня в этом не было ничего странного. Наоборот — это была, пожалуй, единственная нормальная часть дня.

Я долго никому этого не объяснял. Да и как тут объяснишь? Некоторые вещи, пока не произнесёшь вслух, кажутся слишком хрупкими. Но однажды один из официантов всё-таки спросил меня. Не прямо, не «зачем вы сюда приходите» и не «почему так рано». Он спросил что-то вроде: «Вы, наверное, далеко работаете, раз приходите так рано?»

Я улыбнулся, потому что ответ был как раз в обратном. До работы мне было близко. Слишком близко. Но мой день начинался не в офисе, а в тот момент, когда я открывал глаза. Дальше шли письма, сообщения, звонки, правки, встречи, документы, люди, которым что-то было нужно. На работе я принадлежал клиентам. Дома — семье. И только этот короткий промежуток между 6:47 и примерно 7:30 оставался ничей. Вернее, моим.

Я так ему и сказал: «Нет, мне близко. Я прихожу рано, потому что это единственный час, который принадлежит мне. На работе я принадлежу клиентам. Дома — семье. А здесь, с шести сорока семи до семи тридцати, я — свой собственный. И мне этого хватает на весь день».

Сегодня, помимо того, что есть своя кофейня, я действительно работаю руководителем консалтинговой компании. Крупная фирма, серьёзные дела, бесконечные совещания, расписание по пятнадцатиминутным слотам с восьми утра и до вечера. Есть люди, которые думают, что самая большая роскошь — это деньги. Потом они немного взрослеют и понимают, что настоящая роскошь — это час, в течение которого от тебя ничего не хотят.

У меня нет иллюзий насчёт собственной жизни. Я знаю, что не могу выключить требования мира. Не могу сказать клиентам: сегодня я буду менее доступен, потому что решил почувствовать себя человеком. Не могу отменить обязанности. Не могу сделать так, чтобы день стал мягче. Но я могу отвоевать у него сорок минут.

Не для продуктивности. Не для того, чтобы потом рассказывать кому-то про «утренние ритуалы успешных людей». Никогда не воспринимал это как технику. Скорее как способ не потерять самого себя в плотности собственного расписания.

На моей полке в книгами есть труды Марка Аврелия. Человека, который управлял Римской империей — а это, пря-

мо скажем, сложнее, чем справляться с офисом, судами, клиентами и календарём на неделю вперёд. Он начинал утро с того, что писал для себя. Не распоряжения, не письма. Мысли. Тихие, честные, иногда почти растерянные заметки о том, как остаться человеком, когда вокруг слишком много власти, шума и хаоса. Его «Размышления» появились не из свободного времени. Они появились из времени, которое он вырвал для себя.

Мне всегда была близка эта идея. Не обязательно писать. Не обязательно даже думать о чём-то великом. Но человеку нужен уголок тишины, который не принадлежит никому, кроме него самого. Японцы называют это «итиги итиэ» — «один момент, одна встреча». Каждый момент уникален и никогда не повторится. Но чтобы он вообще случился, для него нужно оставить место во времени. Нужен зазор. Пустой слот, который ты сознательно не отдаёшь ни делам, ни другим людям, ни даже собственной суете.

Мои сорок минут были именно таким зазором. Один американо. Одна книга. Одно окно. Один ранний свет, который постепенно теплеет. И ощущение, что мир ещё не успел меня схватить. Что я ещё не втянут в его скорость, не включён в его требования, не разобран на функции.

Пожалуй, именно поэтому этих сорока минут мне и хватало. Сорок минут — это не много. Но это были настоящие сорок минут. Не совмещённые с чем-то ещё, не отданные наполовину экрану, а целиком мои.

Я замечал, как меняется всё остальное, если день начинается так. Сами по себе задачи не исчезают. И, конечно же, писем не становится меньше. Люди не становятся менее требовательными. Мир вообще не спешит подстраиваться под чьи-то внутренние практики. Но меняется способ входа в день.

Если открыть глаза и сразу взять телефон, ты начинаешь утро с позиции ответа. Ты уже кому-то должен. Ты уже реагируешь. Ты ещё не успел проснуться, а день уже вошёл в тебя без стука или, что еще хуже, «с ноги». А ты уже договняешь.

Но если сначала посидеть в тишине — просто в тишине, без цели, без пользы, без попытки что-то из себя улучшить, — происходит странная вещь. Ты не становишься эффективнее в банальном смысле этого слова. Просто возвращаешь себе внутренний центр тяжести. И тогдаходишь в день не как человек, которого разбудили, а как человек, который проснулся сам.

Наверное, со стороны всё это выглядело очень скромно. Просто мужчина, который приходит слишком рано в кофейню, пьёт двойной эспрессо и читает книгу у окна. Но для меня это никогда не было просто привычкой. Это был способ каждый день напоминать себе: прежде чем я стану консультантом, клиентским менеджером, участником совещаний, человеком из чужих ожиданий, я должен хотя бы сорок минут побыть собой.

И, как ни странно, этого действительно хватает почти на весь день.

Почему лучший бариста — тот, кто не торопится

Когда я стал регулярно заглядывать в одну городскую кофейню, там работал парень по имени Лёша.

Я узнал его имя не сразу. Сначала я просто заметил, что есть бариста, который двигается не так, как остальные. Его движения были такие, будто вокруг него воздух чуть плотнее, чем у всех прочих. Брал холдер спокойно, как берут со стола книгу, которую собираются читать весь вечер. Засыпал кофе, разравнивал, ставил темпер — и делал паузу. Короткую, в полсекунды, но заметную. Как будто прислушивался к чему-то перед тем, как нажать.

Потом нажимал. Ровно и без рывка. Вставлял холдер в группу — и снова пауза. Полсекунды тишины, прежде чем нажать кнопку пролива. Каждое движение у него было отдельным, завершённым, не перетекающим в следующее на автопилоте.

В утренний час пик это выглядело почти провокацией. Люди вокруг нервничали, и их можно было понять. Когда тебе нужно быть в офисе через двенадцать минут, а бариста перед тобой совершает что-то среднее между чайной церемонией и хирургической операцией, ты смотришь на происхо-

дящее с лёгким ужасом. Очередь росла. Кто-то переминался с ноги на ногу. Кто-то демонстративно смотрел на часы. Одна женщина однажды сказала вслух, ни к кому конкретно не обращаясь: «Господи, там что, один человек работает?»

Нет, там работали двое. И второй был совсем другим — быстрым, ловким, с движениями, отточенными до автоматизма. Он делал кофе, который был просто нормальным. Вполне приличным, таким, к которому невозможно придираться. Вот только Лёша делал кофе, ради которого люди возвращались.

Я не сразу это понял. Поначалу, если честно, Лёша меня раздражал. Я стоял в очереди, смотрел на часы, видел растущее нетерпение вокруг и думал примерно то же, что, наверное, думали многие: ну можно же чуть быстрее. Можно же не растягивать этот процесс так, словно от каждой чашки зависит судьба мира.

А потом случилась простая вещь. Я стал замечать, что, когда кофе готовит Лёша, я пью его медленнее. Не специально — просто так получалось. Вкус как будто собирал меня обратно. Напиток у него получался мягче, плотнее, с более длинным и чистым послевкусием. Как будто это был не один и тот же кофе, который варят на одном и том же зерне, на одной и той же машине, а два родственника — похожих, но разного возраста и жизненного опыта.

После этого я начал наблюдать внимательнее. И увидел то, что раньше принимал за медлительность, а на самом деле

было чем-то совсем другим.

Лёша не медлил. Он присутствовал.

Это сложно объяснить без риска прозвучать немного странно, но каждый его жест был не механическим повторением выученного алгоритма, а отдельным осознанным действием. Он не думал о следующем заказе, пока делал текущий. Не переговаривался с коллегой на автопилоте, не косился на очередь, не распадался вниманием на десять кусков. Он был целиком — весь, полностью, без остатка — в той чашке, которую делал прямо сейчас. И чашка это чувствовала.

Я понимаю, как звучит фраза «чашка чувствовала». Согласен — смешно. Немного как из какого-нибудь текста про магию ремесла. Но если вы хоть раз готовили что-то с полным вниманием, а потом пробовали результат, вы знаете, что это не метафора. Это просто факт, для которого у нас не очень удобный язык. Язык КРІ, таймингов и бизнес-процессов плохо приспособлен к таким вещам.

Есть в японских боевых искусствах есть понятие «дзансин». Его обычно переводят как «остаточное внимание» или «продолжение духа». Это то, что мастер делает после удара. Он не расслабляется мгновенно, не переключается на следующее движение, не опускает меч. Он задерживается в моменте. На полсекунды, на долю вдоха — но именно эта задержка и отличает мастера от человека, который просто умеет махать мечом или руками.

Я не знаю, слышал ли Лёша вообще когда-нибудь слово «дзансин». Подозреваю, что нет. Но чуть позже я понял, что его пауза перед темпингом, его полсекунды тишины перед проливом — это и был он. Завершение предыдущего действия до того, как начнётся следующее. Точка в конце предложения, без которой текст превращается в бессвязный поток. Он не торопился потому, что чувствовал: скорость и качество в таких вещах растут не в одну сторону. И, честно говоря, я вынес из наблюдения за ним гораздо больше, чем просто понимание того, как варят хороший кофе.

В нашей жизни, особенно если работаешь много, особенно если строишь что-то своё или просто живёшь в постоянной перегрузке, тебя очень быстро затягивает инерция действия. Ты всё время что-то делаешь. Отвечаешь, решаешь, согласовываешь, торопишься, перескакиваешь с одного на другое. В какой-то момент скорость начинает восприниматься как добродетель сама по себе. Быстро ответил — молодец. Быстро решил — сильный. Быстро провёл встречу — эффективный.

Но если остановиться на секунду и честно посмотреть на результат, часто выясняется неприятная вещь: половина быстрых действий — это действия, которые потом приходится чинить. Быстрый ответ на письмо оборачивается ещё тремя уточняющими письмами. Быстро принятое решение возвращается через неделю в виде проблемы. Разговор, который провели на бегу, потом приходится повторять заново,

потому что никто толком не понял, о чём договорились.

Скорость создаёт очень убедительную иллюзию продуктивности. Но часто производит только суету.

Лёша научил меня — хотя, конечно, вряд ли подозревал об этом, — что иногда «медленнее» не значит «хуже». Иногда «медленнее» значит «один раз, но правильно». Один эспрессо, но такой, ради которого человек спокойно пройдёт лишний квартал. Один разговор, но такой, после которого обоим всё ясно. Одно решение, но такое, к которому потом не нужно возвращаться с кислым лицом и словами: «Ладно, давайте всё-таки переделаем».

Потом Лёша исчез. Такие люди часто исчезают именно так — без драматического финала и длинных объяснений. Просто в какой-то момент ты приходишь в знакомую кофейню и видишь за стойкой уже другого человека. Позже я узнал, что он уехал, открыл что-то своё, кажется, в другом городе.

Но странным образом он остался со мной.

Я до сих пор, прежде чем нажать «отправить» на важном письме, иногда делаю паузу. Полсекунды. Иногда чуть больше. Не перечитываю специально, не устраиваю внутренний совет директоров у себя в голове — просто останавливаюсь. Так, как он останавливался перед темпингом.

И самый грустный факт, который я осознал состоит в том, что мир вообще несправедлив к медленным людям. Мир любит быстрых. Быстрых повышают, быстрым хлопают, быстрых ставят в пример, про быстрых рассказывают на конфе-

рениях. «Он принимает решения мгновенно!» — говорят с восхищением, как будто мгновенность всегда признак ума, а не иногда просто свойство нервной системы.

Но лучший кофе, который я пил в жизни, делал тот самый медленный человек. И лучшие решения, которые мне доводилось наблюдать — в работе, в отношениях, в жизни вообще, — рождались не из спешки, а из короткой, почти незаметной паузы между одним действием и следующим.

Просто полсекунды тишины. Иногда этого действительно достаточно. Полсекунды — это целая вечность, если прожить их по-настоящему.

Ритуал, который ничего не значит — и значит всё

Я люблю мыть посуду и всегда это делаю «по старинке» — с губкой и водой.

Конечно, у меня дома есть техника, которая вполне справляется с этой задачей. Она делает это быстрее, качественнее и, вероятно, даже правильнее с точки зрения современного человека, который умеет считать время и знает цену автоматизации. Я это всё понимаю. И всё равно ставлю тарелки в раковину, открываю воду, беру губку — и начинаю мыть сам. Медленно, по одной вещи за раз. С каким-то странным, почти несоразмерным вниманием к самому процессу.

Безусловно это трудно назвать полезным занятием. Посуда становится чистой — да. Но чистой она стала бы и без моего участия. Мир не нуждается именно в моих руках для этой задачи. Экономического смысла в этом тоже нет. Производительности это не добавляет. Ни один проект не движется вперёд от того, что я стою у раковины и смываю пену с чашки, которую могла бы вымыть машина.

Если бы консультант по эффективности увидел это, он, наверное, очень вежливо объяснил бы мне, что я трачу время на процесс, который давно можно делегировать технике.

И был бы по-своему прав.

Я даже пробовал перестать. В какой-то момент, после очередной книги о продуктивности, где почти прямым текстом говорилось, что каждое действие должно иметь измеримый результат, я решил: всё, хватит. Это просто сентиментальная глупость. Никакой особой ценности в этом нет. Пусть работает техника, а я потрачу это время на что-нибудь действительно разумное — на письма, планирование, чтение, на что угодно, что хотя бы можно потом назвать полезным.

И знаете, что произошло? А ничего. В буквальном смысле — ничего. Тарелки были чистыми. Чашки стояли на своих местах. Кухня функционировала. Мир не заметил, что я больше не мою посуду сам. Ничего не рассыпалось, не испортилось, не потеряло ритм.

А вот мне чего-то уже не хватало.

Это трудно объяснить рационально, и пытаться делать это бессмысленно — потому что некоторые вещи, как только начинаешь их разбирать на части, сразу теряют живую ткань. Просто дни, в которые я лишал себя этого ритуала, проходили... как-то не так. Чуть больше шума. Чуть меньше собранности. Всё на месте, всё работает, но что-то смещено на полтона.

Потом в какой-то день я снова встал к раковине, открыл воду, взял в руки тарелку — и почти сразу почувствовал, как всё возвращается на место.

В буддийских монастырях есть практика, которая называ-

ется «саму» — рабочая медитация. Это не медитация в том виде, в котором её обычно представляет себе западный человек. Не тишина, закрытые глаза и подушка на полу. Саму — это подметание двора. Мытьё полов. Чистка овощей. Прополка грядок. Это простая физическая работа, однообразная, часто повторяющаяся, часто с точки зрения эффективности почти бессмысленная. Потому что двор, который ты подмёл утром, к вечеру снова засыплет листьями. Пол, который ты вымыл, снова запачкается, а тарелка, которую ты сейчас так внимательно отмываешь, завтра снова окажется в раковине.

Западный ум немедленно спрашивает: зачем? Если результат не сохраняется, если действие не даёт накопительного эффекта, если завтра всё придётся делать заново — в чём тогда смысл? Не разумнее ли всё автоматизировать? Не быстрее ли поручить это кому-то или чему-то другому? Может будет практичнее потратить время на то, что даёт измеримый, устойчивый результат?

Буддизм отвечает на эти вопросы очень странно и при этом очень точно: ты делаешь это не для того, чтобы мир стал чище. Ты делаешь это для того, чтобы чище стал ты сам.

Это звучит красиво, чуть мистически и потому сначала вызывает недоверие. Но на самом деле это абсолютно практическая вещь. Когда ты делаешь простое физическое действие с полным вниманием и без ожидания какого-то великого результата, происходит что-то очень тихое и очень

важное: ты возвращаешься в тело. Перестаёшь существовать только в голове — в планах, тревогах, письмах, прогнозах, списках, идеях — и снова оказываешься здесь. В этой кухне. В этой минуте. С водой, текущей по рукам. С гладкой поверхностью чашки. С пеной, которая постепенно исчезает. С ощущением, что мир буквально у тебя на глазах становится чище.

Именно это мне и нравится больше всего. Не сам факт вымытой посуды — он вторичен. А то ощущение, что ты участвуешь в простом, понятном улучшении реальности. Что было грязно — стало чисто. Был лёгкий бытовой хаос — возник порядок. Что-то мутное и липкое превратилось в прозрачное и ясное. И ты не наблюдаешь за этим со стороны, а делаешь это сам, руками, в полном присутствии.

Я замечал нечто похожее у людей, которые много делают руками. У поваров, плотников, садовников, часовщиков, хирургов. У всех у них есть свои на первый взгляд бессмысленные ритуалы. Повар точит нож перед сменой, хотя нож и так острый. Хирург раскладывает инструменты в определённом порядке, хотя операционная сестра уже всё подготовила. Часовщик протирает стол, включает лампу, раскладывает мелкие детали — каждый раз одинаково, каждый раз в том же порядке. Со стороны это можно принять за привычку, за странность, за лёгкую форму профессионального суеверия.

Но на самом деле они готовят не рабочее место. Они готовят себя.

Ритуал — это мост. Он соединяет одного тебя с другим. Того, кто только что думал о делах, спорил с кем-то в мессенджере, читал новости, переключался между задачами, слушал что-то на фоне и жил в рассыпанном режиме многовкладочного существования, — с тем, кто должен быть собранным, спокойным, точным и присутствующим. Этот переход почти никогда не происходит мгновенно. Нельзя просто щёлкнуть внутренним переключателем. Нужно что-то сделать руками. Что-то простое, повторяющееся, знакомое. Чтобы тело сказало голове: всё, мы здесь.

Есть ещё одна вещь, которую я понял про такие действия, и, возможно, она даже важнее всего остального. Этот ритуал я делаю не для кого-то. Не для семьи — им, в сущности, всё равно, вымою я эти чашки сам или за меня это сделает машина. Не для гостей, не для коллег, не для отчётности, и уж точно не для образа человека, который умеет красиво жить. Я делаю это для себя. И «для себя» здесь значит способ вернуть себе внутреннюю ясность. Как способ немного выпрямить день ещё до того, как он начнёт разъезжаться в разные стороны.

В мире, где почти от каждого действия ждут пользы, результата, ускорения и эффективности, бессмысленный ритуал становится формой тихого сопротивления. Это несколько минут, в которые ты не производишь, не отвечаешь, не достигаешь, не оптимизируешь. Ты просто моешь тарелку. Слушаешь воду. Проводишь губкой по керамике. Смотришь,

как исчезает налёт, как поверхность снова становится гладкой и чистой. И почему-то этого оказывается достаточно.

Один друг как-то спросил меня, зачем я вообще это делаю, если есть техника. Вопрос был вполне здравый, без насмешки. И я не стал пускаться в длинные объяснения. Просто пересказал ему старую дзенскую историю, которая давно ко мне приросла.

Ученик спрашивает мастера: «Что вы делали до просветления?»

Мастер отвечает: «Рубил дрова, носил воду».

Ученик спрашивает: «А что вы делаете после просветления?»

Мастер отвечает: «Рублю дрова, ношу воду».

Знакомый усмехнулся, кивнул и сказал что-то вроде: «Ладно, понял». Я не думаю, что он действительно понял. Да и это нормально. Некоторые вещи невозможно понять с чужих слов. Их можно понять только изнутри. В какой-нибудь обычный вечер. Когда ты подходишь к раковине, хотя мог бы этого не делать. Открываешь воду. Берёшь в руки первую чашку. И вдруг замечаешь, что вместе с ней как будто немного отмывается и твоя собственная голова.

И тогда становится ясно: этот ритуал действительно ничего не значит — и при этом значит всё.

Утренняя тишина как стратегическое преимущество

Я расскажу вам про тишину. Про настоящую. Ту, которая бывает летним утром в городском бору, когда город вроде бы уже рядом, но ещё не успел окончательно проснуться и навалиться на тебя всем своим шумом.

В бору утром тишина звучит иначе, чем в городе. Это не абсолютная тишина — абсолютной тишины вообще почти не бывает, разве что на секунду после сильного снегопада, когда мир вдруг становится похож на фотографию. Нет, это живая тишина. В ней есть звук велосипедных шин по утопанной дорожке. Есть лёгкий хруст хвои под ногами. Где-то высоко переговариваются птицы, которых днём уже не различишь за общим фоном. Где-то трещит ветка. Вдалеке, за деревьями, едва слышно проезжает машина, и этот звук кажется не помехой, а напоминанием: город рядом, просто пока ещё не добрался сюда целиком. И ещё в этой тишине очень отчётливо слышно своё собственное дыхание. Это, пожалуй, самое непривычное. Днём ты его почти никогда не замечаешь.

Каждое лето я стараюсь почаще уезжать в городской бор кататься на велосипеде. Увы, но я не настолько дисциплинирован, чтобы делать из этого культ и выбираться ежедневно,

— но катаюсь часто. Достаточно часто, чтобы понимать: эти поездки давно перестали быть просто физической активностью. В какой-то момент понял: это один из немногих способов оказаться в тишине раньше, чем день начнёт от тебя чего-то хотеть.

Ты едешь по знакомой дорожке, свет ещё мягкий, небо ещё не приняло окончательное решение, будет ли день ясным или затянутым, и вокруг нет ничего, что требовало бы от тебя немедленной реакции. Не надо никому отвечать. Не надо принимать решения. Не надо быть полезным, убедительным, быстрым, включённым. Надо только крутить педали и смотреть, как между соснами медленно проступает утро.

И именно в эти поездки ко мне часто приходят лучшие мысли.

Я долго не мог понять, почему это работает именно так. Почему идея, которую я весь вчерашний день безуспешно пытался додумать — на ходу, в разговоре, в заметках, между встречами и письмами, — вдруг спокойно и почти без усилия складывается сама, пока я еду по лесной дорожке и вообще-то ни о чём специально не думаю?

Потом в одной из книг о нейробиологии я наткнулся на объяснение. Мозг в состоянии покоя работает не меньше, а просто иначе. Когда ты не фокусируешься на задаче, не долбишь её лбом, не напрягаешь внимание до звона, включается так называемая сеть пассивного режима. Это система, кото-

рая соединяет вещи. Она берёт обрывки вчерашних разговоров, куски прочитанного, случайные наблюдения, неоформленные сомнения, ощущения, которым днём ты не дал права голоса, — и начинает тихо их сшивать. Без отчёта, без презентации, без твоего волевого участия. Ты вроде бы просто едешь через бор, смотришь на сосны и следишь, чтобы не влететь в очередную кочку, — а мозг в это время собирает пазл, который днём ты безуспешно пытался собрать силой.

Вот почему решения, которые приходят в тишине, так часто оказываются точнее решений, принятых в разгар дня. Утром ты не умнее, просто наконец-то не мешаешь себе думать.

Мне кажется, у каждого толкового человека, который много на себя взял, рано или поздно появляется собственная версия такой тишины. Не обязательно велосипед и не обязательно бор. Один бегаёт в шесть утра — без наушников, без подкастов, просто бег и дыхание. Другая гуляет с собакой по пустому парку и говорит, что самые важные бизнес-идеи приходят ей именно там, между первой и второй аллеей. Третий, и это один из моих любимых примеров, каждое утро сорок минут лепит что-то из глины. Просто мнёт её руками, делает что-то бесформенное, а потом встаёт, моет руки и едет руководить компанией с оборотом, о котором приличные люди вслух не говорят.

Никто из них обычно не называет это «практикой» или «ритуалом продуктивности». Никто не подаёт это как метод.

Все пришли к этому не из моды, а из необходимости. Точнее, из усталости. Почти каждый сначала прожил ту версию жизни, где утро начинается с телефона, с почты, с тревожной проверки того, что случилось за ночь, кто написал, что сломалось, где просрочено, что ещё нужно срочно решить до девяти утра. И почти каждый в какой-то момент понял, что такой старт медленно разрушает.

Тогда и начинается поиск.

Для меня этим способом стал велосипед и городской бор. Потому что в этой связке есть важная вещь, которую трудно получить где-то ещё: мягкое, ритмичное движение без перегруза. Ты не сидишь на месте, но и не несёшься. Ты занят телом, и поэтому голова наконец отпускает поводья. Твой взгляд не приклеен к экрану. Твои руки заняты рулём. Ты едешь вперёд, но не в смысле «продвигаешься по задачам», а в самом буквальном, простом, почти детском смысле этого слова — едешь вперёд по тропинке между соснами. И из-за этой простоты внутри вдруг начинает проясняться что-то сложное.

Знаете, что мне кажется самым важным во всём этом? Не то, что тишина улучшает качество решений. Не то, что она снижает стресс. Не то, что после неё ты будто бы эффективнееходишь в день. Всё это правда, но это уже следствия. Причина глубже.

Утренняя тишина — это одно из немногих состояний, в которых ты вообще слышишь собственный голос. В тече-

ние дня с нами общается внутренний критик, встревоженный менеджер задач, который без конца перечисляет, что ещё нужно сделать или оператор в твоей голове, который вечно живёт в режиме «быстрее, быстрее, не опоздай». А тут «пульт управления» берет другой голос — тихий, спокойный, не всегда удобный, но удивительно точный. Тот, который знает, что на самом деле важно. Который чувствует, когда что-то идёт не туда, ещё до того, как это покажут цифры. Который может сказать неприятную, но нужную вещь: этот проект пора закрывать. Здесь ты врешь себе. С этим человеком пора расстаться. Ты устал сильнее, чем готов признать. Тебе нужна не передышка на выходных, а настоящая пауза.

Днём этот голос почти не слышен. Его заглушает всё остальное — не только шум улицы, а шум входящих, ожиданий, чужих мнений, срочных решений, бесконечной операционки. К вечеру от собственного голоса часто не остаётся ничего — только усталость и странное ощущение, что день прожит, а ты сам в нём присутствовал не полностью.

А утром в бору, когда свет проходит сквозь сосны и ложится на дорожку полосами, когда колёса шуршат по хвое, а город пока ещё держится на расстоянии, этот голос слышен. Очень тихо, но вполне отчётливо. И если не забивать его подкастом, не пытаться немедленно превратить каждую мысль в заметку или план действий, не начинать тут же «применять инсайты на практике», он успевает сказать тебе больше, чем многие умные книги и многие дорогие советы.

Потому что это ты и есть. И каждое лето у меня есть простой способ встретиться с ним. Сесть на велосипед. Уехать в городской бор. Проехать немного дальше, чем в прошлый раз. Послушать, как звучит утро до того, как оно превратится в день.

Вопрос, по большому счёту, не в велосипеде и не в бору. Вопрос в другом: есть ли у тебя в жизни место, где ты успеваешь услышать себя раньше, чем начнут говорить все остальные.

Что общего между буддийской притчей и клиентской жалобой

Это случилось в четверг, около двух часов дня, в самое спокойное время — между утренними звонками и вечерними дедлайнами.

Женщина лет сорока пяти, хорошо одетая, с тем выражением лица, которое бывает у человека, когда он уже решил быть недовольным ещё до того, как вошёл в переговорную, положила перед нами распечатку отчёта и сказала — не громко, но тем особенным тоном, который слышит вся приемная: «Это невозможно принять. Результаты оценки занижены, методика сомнительная, и вообще — у вас тут всегда так?»

Речь шла об оценке, на результаты которой мы объективно никак не могли повлиять — это была независимая процедура с чёткими критериями, которые устанавливали не мы. Маша — в тот день вела встречу она, спокойная и толковая — начала объяснять: про методологию, про то, что критерии едины для всех, про то, что мы строго следовали протоколу. Но женщина её не слушала. Она уже говорила поверх неё, наращивая громкость, добавляя подробности: и в прошлый раз взаимодействие было не лучше, и сроки у вас, и комму-

никация никуда не годится, и почему нет нормального сопровождения, и вообще она не понимает, как вы работаете. Классическая лавина — когда человек начинает с отчёта, а заканчивает претензиями ко всему мироустройству.

Я стоял в паре метрах и наблюдал. Маша напряглась, губы сжались — я видел, что она на грани резкого ответа, который потом будет трудно взять назад. И я сделал то, чему научился не в книгах по управлению конфликтами, а значительно раньше и значительно труднее.

Я подошёл, мягко отодвинул Машу плечом, посмотрел женщине в глаза и сказал: «Я вас слышу. Давайте сядем и разберём всё подробно. Маша, принеси, пожалуйста, полную документацию по проекту. А вы пока присаживайтесь, я сейчас буду только с вами.»

Всё. Ни объяснений, ни оправданий. Просто — «я вас слышу, давайте разберёмся».

Женщина замолчала. Ей понадобилось ещё секунд пять, чтобы инерция возмущения затормозила, — но замолчала. Мы сели. Маша принесла документы, я провёл её через каждый пункт — спокойно, без защитных интонаций. Женщина слушала, задавала вопросы, кивала. Ушла сдержанно, но без напряжения. С тех пор она продолжила работу с нами и ни разу — ни одного раза — больше не приходила в таком состоянии.

После её ухода Маша спросила меня, сдерживая обиду: «Почему вы ей не объяснили сразу, что мы не влияем на эти

результаты? Ведь это правда — мы действительно ничего не могли сделать.»

И тут я рассказал ей историю, которую когда-то прочитал и которая изменила моё отношение к жалобам — не только клиентским, вообще к любым.

Это буддийская притча, очень старая и очень простая. Однажды человек подошёл к Будде и начал его оскорблять. Долго, изобретательно, с чувством — видимо, у него накопилось. Будда стоял и молча слушал. Когда человек выдохся и замолчал, Будда спросил его: «Если ты принёс кому-то подарок, а тот человек его не принял — кому принадлежит подарок?» Человек растерялся и ответил: «Ну... тому, кто принёс, конечно.» Будда кивнул: «Вот и я не принимаю то, что ты мне принёс.»

Маша посмотрела на меня и сказала: «То есть нужно было просто не реагировать?»

И вот тут — важный поворот. Потому что ответ — нет. Не совсем. Не реагировать — это не то же самое, что не принимать. Будда не отвернулся, не заткнул уши, не ушёл. Он выслушал. Он задал вопрос. Он был полностью вовлечён — но не вовлечён эмоционально. Он не позволил чужому гневу стать своим гневом. Подарок остался у дарителя.

Я объяснил Маше как мог: проблема была не в оценке. Оценка была поводом, а не причиной. Эта женщина пришла к нам с грузом, который она несла откуда-то ещё — из переговоров с руководством, из внутреннего давления, из необ-

ходимости объяснять чьи-то результаты тем, кто её самой будет спрашивать. И ей нужно было этот груз куда-то положить. Мы оказались ближайшей горизонтальной поверхностью. Наш переговорный стол подвернулся в нужный момент — или в ненужный, это с какой стороны посмотреть.

И когда я сказал ей «я вас слышу, давайте разберёмся», я не согласился с тем, что мы сделали что-то не так, не стал объяснять, почему она неправа, не начал защищаться. Я сделал кое-что другое: я дал ей понять, что её услышали. И этого оказалось достаточно, чтобы лавина остановилась.

Я потом много думал об этом механизме — почему он работает и почему наша первая, инстинктивная реакция на жалобу всегда обратная, всегда неправильная.

Когда кто-то говорит нам «вы сделали плохо», внутри мгновенно поднимается волна. Это не обида — это что-то более древнее, более глубокое. Это ощущение угрозы. Нашей компетентности, нашей самооценке, нашему чувству справедливости. И естественная реакция на угрозу — защита. Объяснить, оправдать, доказать, что ты прав. Перечислить факты. Показать, что проблема не в тебе, а в том, кто жалуется. Защитить территорию.

Но вот что происходит, когда ты защищаешься: человек напротив чувствует сопротивление. А сопротивление вызывает только одно — усиление давления. Он начинает давить сильнее, ты сопротивляешься сильнее, он находит новые аргументы, ты находишь контраргументы — и через три ми-

нуты вы уже спорите не об отчёте, а о чём-то принципиальном, чего ни один из вас не может толком сформулировать, но оба чувствуют, что отступить нельзя.

Стоики описывали это двадцать веков назад. Эпиктет, бывший раб, ставший одним из самых влиятельных философов Рима, говорил вещь, которая кажется простой, пока не попробуешь применить её в реальной жизни: нас ранят не сами события, а наши суждения о них. Женщина сказала, что результаты оценки неверные. Это событие. А дальше — развилка. Я могу решить, что она оскорбила мой профессионализм, мою команду, мою репутацию и мою жизненную позицию. Или я могу решить, что передо мной стоит человек под давлением, которому нужно, чтобы его услышали. Событие одно и то же. Реальность — совершенно разная.

С тех пор я стал замечать этот механизм повсюду — не только в консалтинге, но и в переговорах, и в жизни. Клиент, который недоволен презентацией, — чаще всего недоволен не слайдами, а тем, что его не спросили заранее, чего он хочет. Партнёр, который придирается к мелочам в договоре, — чаще всего боится не запятых, а того, что его интересы не учтены. Близкий человек, который вдруг взрывается из-за немытой посуды, — говорит не о посуде вообще, а о чём-то, что копилось неделями и наконец нашло выход через ближайшую трещину.

Жалоба — это почти никогда не про то, о чём она произнесена. Жалоба — это дверь. За ней стоит что-то настоящее,

и если ты захлопнешь эту дверь оправданиями и контраргументами, ты никогда не узнаешь, что это было. А если откроешь — спокойно, без страха, без потребности быть правым, — за ней иногда обнаруживается человек, которому просто нужно, чтобы кто-то сказал: «Я слышу тебя.»

Маша, кстати, потом освоила этот подход лучше меня. Через несколько месяцев я случайно наблюдал, как она работает с очередным недовольным клиентом — мужчиной, который утверждал, что из-за нашей работы его компания переплатила кучу налогов. Маша искренне улыбнулась и попросила присесть. «Давайте я помогу вам разобраться, что за этим стоит и как с этим работать дальше.» Мужчина размяк мгновенно, как будто из него выдернули батарейку, на которой работало его раздражение. Они проговорили полчаса. Он ушёл с планом действий и благодарностью.

Она потом подошла ко мне и сказала: «Я не стала принимать подарок.»

Я подумал тогда: вот ради этого и стоит заниматься этим делом. Не ради прибыли — хотя прибыль тоже важна, не будем романтизировать. Но ради моментов, когда человек рядом с тобой понимает что-то, что ты сам понял не так давно, и понимает это, потому что он увидел, попробовал и почувствовал сам.

Будда, я думаю, улыбнулся бы. Не потому что Маша стала буддисткой — она, насколько я знаю, ни разу в жизни не открывала ни одного текста Палийского канона. А потому

что мудрость устроена именно так: она не передаётся через слова. Она передаётся через пример, через тишину и через разговор, проведённый без спора.

Постоянный гость, который однажды не пришёл

Его звали Геннадий Павлович — хотя мы узнали это не сразу, а примерно через полгода после того, как он стал частью нашей кофейни. Первые полгода он был просто «мужчина с газетой на двойном эспрессо». Потом — «Геннадий Палыч», потом — «наш Палыч», и наконец, где-то к концу первого года — просто часть пейзажа. Такая же неотъемлемая, как кофемашина или деревянная стойка.

Он приходил по будням, около одиннадцати, всегда один. Высокий, сухой, чуть сутулый, с аккуратными усами, которые, казалось, не менялись ни на миллиметр из месяца в месяц — как будто они существовали в собственном времени, отдельном от остального мира. Одевался неброско, но с каким-то старомодным достоинством — рубашка всегда застёгнута на все пуговицы, даже в июле. Заказывал двойной эспрессо, иногда — стакан воды. Садился у окна, разворачивал газету или книгу — он читал удивительные вещи, я однажды подсмотрел обложку: это был «Трактат о человеческой природе» Юма, в потрёпанном издании семидесятых годов. Сидел час, иногда полтора. Уходил тихо, кивнув на прощание.

Мы к нему привыкли. Привыкли настолько, что перестали его замечать.

Но привыкнуть к человеку — это не значит полюбить его. Это значит перестать его видеть. Он становится частью фона, декорацией, элементом обстановки. Ты знаешь, что он есть, как знаешь, что в углу стоит фикус — и точно так же не думаешь о нём, пока он на месте. Геннадий Павлович был нашим фикусом. Живым, читающим Юма, с безупречными усами — но фикусом.

Мы не спрашивали, как у него дела. Не знали, чем он занимается, где живёт, есть ли у него семья. Не знали, почему он приходит каждый день один и почему всегда садится у окна. Он был постоянным клиентом — а постоянный клиент, как нас учат на всех бизнес-курсах, это источник стабильного дохода, высокий LTV, предсказуемый поток. Мы ценили его, но ценили как строчку в отчёте, а не как человека, который каждое утро выбирает именно нашу дверь.

И в один понедельник он не пришёл.

Я не заметил. Вернее, заметил — но лишь той частью сознания, которая регистрирует мелкие отклонения, не придавая им значения. Как замечаешь, что на улице стало чуть тише, или что в комнате немного другой свет, — замечаешь, но не останавливаешься. Ну не пришёл. Заболел, уехал, проспал, решил сходить в другое место. Мало ли.

Во вторник его тоже не было. И в среду. И в четверг.

В пятницу Аня — та самая Аня, которая к тому моменту

знала наших постоянных лучше, чем я, — сказала мне между делом: «Палыч не ходит уже неделю. Странно. Он даже в тот ливень в октябре приходил, помните?»

Я помнил. В тот октябрьский ливень, когда полгорода сидело дома, а у нас за весь день было человек двадцать, Геннадий Павлович пришёл ровно в девять, мокрый до нитки, с газетой, завёрнутой в полиэтиленовый пакет, чтобы не промокла. Заказал свой эспрессо, сел у окна, развернул сухую газету — и читал, пока за стеклом город тонул. Человек, который приходит в ливень, не пропускает неделю без причины.

У нас не было его телефона. Не было никаких контактов. Мы знали о нём ровно три вещи: имя, любимый напиток и то, что он читает Юма. Всё. Год ежедневных визитов — и три факта. Это, если вдуматься, поразительно мало для человека, которого ты видишь чаще, чем некоторых родственников.

Прошла вторая неделя. Потом третья. Геннадий Павлович так и не появился.

Я не знаю, что с ним случилось. Может быть, он переехал. Может быть, заболел чем-то серьёзным. Может быть, нашёл кофейню ближе к дому и теперь читает Юма у другого окна. А может быть — и эта мысль, которую я долго гнал от себя, но которая всё равно возвращается, — может быть, его просто не стало. Ему было, на мой взгляд, около семидесяти. В этом возрасте люди иногда исчезают вот так — без преду-

преждения, без прощания, без последнего кивка на пороге.

И когда наконец позволил себе об этом подумать — я почувствовал не горе — горе было бы нечестным словом, мы не были близки. Но что-то похожее на тупую, ноющую вину. За то, что не спросил. За то, что не узнал. За то, что целый год человек приходил к нам каждое утро, и каждое утро мы принимали его присутствие как данность — как солнце, которое встаёт, как воду, которая течёт из крана, — и ни разу не остановились, чтобы по-настоящему его увидеть.

Мы привыкаем к людям, как к мебели. Я не знаю более точного и более безжалостного описания того, что мы делаем с постоянством. Человек есть каждый день — и мы перестаем его ценить. Не потому что мы плохие. А потому что так устроено внимание: оно реагирует на изменения, на новизну. А когда что-то стабильно, неизменно, надёжно — внимание отворачивается. Ищет что-то более интересное. Что-то, что мигает и звенит.

Сенека — человек, который жил в немыслимой роскоши и при этом писал тексты о бренности всего земного с такой пронзительностью, что им веришь, несмотря на его мраморные полы, — сказал однажды вещь, которая с возрастом становится всё тяжелее. Он сказал: мы страдаем не потому, что теряем, а потому, что забываем, что всё, чем мы владеем, дано нам на время. Мы обращаемся с людьми, с вещами, со здоровьем, с каждым прожитым днём так, будто они принадлежат нам по праву — будто они обязаны быть. А когда они

исчезают, мы чувствуем несправедливость, хотя единственная несправедливость здесь — наша собственная забывчивость.

Есть латинское выражение, которое стойки повторяли как молитву: *memento mori* — помни о смерти. Его часто понимают мрачно, как напоминание о том, что всё кончится, все умрут и ничего не имеет смысла. Но стойки вкладывали в это ровно противоположное. Помни о смерти — значит помни, что этот разговор может быть последним. Что этот человек напротив тебя — живой, здесь, сейчас, — и завтра он может не прийти. Что этот кивок на прощание, это «до завтра» — всё это происходит в последний раз гораздо чаще, чем мы думаем. Мы просто не знаем, какой из разов — последний.

И это знание — если по-настоящему впустить его в себя, а не просто прочитать и кивнуть — меняет всё. Не делает тебя грустным, как ни странно. Делает тебя внимательным.

После истории с Геннадием Павловичем я начал вести себя иначе. Конечно, я не стал вдруг обнимать каждого клиента и спрашивать про его детство. Но я стал замечать постоянных. По-настоящему замечать. Не как строчки в CRM, не как «лояльную аудиторию», не как стабильный LTV, а как людей, которые каждый день делают выбор прийти именно сюда, и этот выбор ничем не гарантирован и ничем не обеспечен, кроме их собственного желания.

Я стал здороваться первым — не дежурным «добрый день», а так, чтобы человек видел, что его узнали. Стал за-

поминать мелочи — не по методике, а просто позволяя себе быть внимательным. Кто переживает ремонт. У кого сын поступает в университет. Кто вчера выглядел уставшим, а сегодня — лучше. Это не занимает времени. Это занимает внимание — а внимание, в отличие от времени, не имеет лимита. Его можно направить куда угодно. Вопрос только в том, куда ты привык его направлять.

В консалтинге, кстати, та же история. Постоянный клиент, который платит тебе каждый месяц, постепенно становится «фоновым» — ты тратишь на него меньше энергии, меньше внимания, меньше творчества, чем на нового. Нового нужно впечатлить, удивить, завоевать. А старый уже здесь, уже платит, он уже никуда не денется. Пока однажды не денется. И тогда ты стоишь с его закрытым проектом в руках и думаешь: а когда, собственно, я перестал стараться? Когда он стал «мебелью»?

Иногда, по утрам, особенно осенью, когда свет за окном похож на тот, октябрьский, я смотрю на стол у окна — тот самый, где сидел Геннадий Павлович — и думаю о нём. С легкой грустью и странной благодарностью — запоздалой, ни к кому не обращённой. Он научил меня вещи, которую я не мог бы выучить из книги, потому что из книги она звучит как банальность, а из жизни — как удар.

Всё, что дано, — дано на время. Каждый человек, который приходит в твою жизнь — в кофейню, в офис, в дом, — приходит не навсегда. Единственное, что ты можешь сделать

— это быть здесь, пока они здесь. Видеть их, пока они перед тобой. Не завтра, не когда будет время, не когда закончится запара — сейчас.

Геннадий Павлович, если вы это читаете — а я допускаю такую вероятность, потому что человек, читающий Юма, вполне может читать что угодно, — знайте: ваш стол у окна по-прежнему свободен в одиннадцать утра. И я каждый раз замечаю, что вас нет. Теперь — замечаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.